ОПЕКУНЫ

Влада Эшборн

18+

18+

Влада Эшборн

Опекуны

«Автор»
2026

Эшборн В.

Опекуны / В. Эшборн — «Автор», 2026

Через три дня после похорон отца двадцатидвухлетняя Элина узнаёт: до двадцати пяти лет её деньги, её жизнь и даже её брак принадлежат двум мужчинам, которых она видела всего пару раз. Холодный Марк Ремезов, который никогда не лжёт. И улыбчивый Глеб Арсеньев, который лжёт всегда. Месяц она живёт у одного, месяц у другого, а потом должна выбрать. Только опекуны не знают главного: Элина не собирается играть по их правилам.

© Эшборн В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Аннотация 5
Глава 1. Завещание 6
Глава 2. Третий прибор 9
Глава 3. Сорок семь 14
Глава 4. Девяносто дней 19
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Влада Эшборн
Опекуны

Аннотация

18+

Через три дня после похорон отца двадцатидвухлетняя Элина узнаёт: до двадцати пяти лет её деньги, её жизнь и даже её брак принадлежат двум мужчинам, которых она видела всего пару раз. Холодный Марк Ремезов, который никогда не лжёт. И улыбчивый Глеб Арсеньев, который лжёт всегда. Месяц она живёт у одного, месяц у другого, а потом должна выбрать. Только опекуны не знают главного: Элина не собирается играть по их правилам.

Книга содержит откровенные сцены и предназначена для читателей старше 18 лет.

Изображение на обложке создано с помощью искусственного интеллекта.

© Влада Эшборн, 2026

Глава 1. Завещание

В кабинете нотариуса пахло старой бумагой и чужими духами. Элина сидела у самого окна, в чёрном платье, которое купила позавчера наспех, не глядя, и никак не могла согреть руки. Прошло три дня с похорон отца, а ей всё ещё казалось, что он вот-вот позвонит и скажет своим обычным усталым голосом: «Эля, ты где? Я жду».

Напротив неё сидели двое мужчин. Она видела их в доме отца всего пару раз, мельком, в дверях кабинета, куда её никогда не звали.

Марк Ремезов сидел неподвижно, будто высеченный из камня. Тёмный костюм без единой складки, ровная спина, сложенные на колене руки. Серые глаза не отрывались от неё ни на секунду, и под этим взглядом Элина чувствовала себя вещью, которую оценивают перед покупкой. Про него говорили, что он разоряет конкурентов, ни разу не повысив голоса.

Глеб Арсеньев был моложе и совсем другим. Он развалился в кресле, закинув ногу на ногу, и лениво крутил в пальцах серебряную зажигалку. Щелчок, огонёк, щелчок. Он улыбался ей так, словно они знали друг друга много лет, и от этой улыбки почему-то становилось холодно.

Нотариус откашлялся и дочитал последний абзац:

— …до достижения наследницей двадцати пяти лет всё имущество, а также решения о месте её проживания, учёбе и браке переходят под совместную опеку господ Ремезова и Арсеньева.

Тишина упала на кабинет, как тяжёлая ткань. Элина смотрела то на одного, то на другого и не могла выдавить ни слова. Ей двадцать два. Она взрослая. Это какая-то ошибка.

Марк поднялся первым. Застегнул пиджак неторопливым, точным движением.

— Вещи соберёшь сегодня. Машина будет в семь. Жить будешь у меня.

Он сказал это так спокойно, будто сообщал прогноз погоды.

Глеб тихо рассмеялся.

— Марк, мы ведь договорились делить всё поровну. Не забывай.

Он повернулся к ней, и голос его стал почти ласковым:

— Ну что, принцесса, кого ты боишься больше?

Элина не ответила. Она просто смотрела на них, и мир вокруг неё медленно переставал быть её миром.

Тишину нарушил щелчок зажигалки. Глеб погасил огонёк и чуть склонил голову, разглядывая её с откровенным удовольствием.

— Молчит, — протянул он. — Смотри, Марк, она даже не знала. Старик не предупредил собственную дочь.

— Это ничего не меняет, — ответил Марк, не взглянув на него.

Он обошёл стол и остановился рядом с ней, так близко, что ей пришлось запрокинуть голову. От него пахло холодом улицы и чем-то горьким, древесным.

— Элина, — произнёс он медленно, словно пробуя её имя на вкус. — Тебе не нужно ничего говорить. Тебе нужно только слушать и выполнять. Это несложно.

Его ладонь легла на спинку её стула. Он не касался её, но Элина чувствовала эту руку затылком, каждой клеткой кожи.

— В семь. Водитель поднимется за чемоданом. Если тебя не окажется дома, я найду тебя сам. И это понравится тебе гораздо меньше.

Глеб поднялся следом, подошёл с другой стороны и опустился перед ней на корточки, так что их лица оказались на одном уровне. Улыбка у него была тёплой. Глаза — нет.

— Не слушай его, он всегда так пугает, — прошептал он и бережно заправил ей за ухо выбившуюся прядь. — Я не такой. Со мной будет легко… если будешь хорошей девочкой.

Первый месяц живёшь у Марка, второй у меня. Он просто ещё не знает, что я уже приготовил тебе комнату. По своему вкусу.

— Глеб, — холодно бросил Марк.

— Что? — тот рассмеялся и выпрямился. — Мы же поровну, помнишь?

Нотариус торопливо собрал бумаги и выскользнул за дверь. Замок глухо щёлкнул, оставив их втроём.

Марк посмотрел на часы.

— У тебя четыре часа, Элина.

● · # · ●

Дом встретил её тишиной. Отцовское пальто всё ещё висело в прихожей, на столе в кабинете лежали его очки, будто он вышел на минуту и вот-вот вернётся.

Элина долго сидела на краю кровати, сжимая телефон. Подруги писали соболезнования, кто-то звал переночевать. Она не отвечала. Что им сказать? Что её, взрослую, только что передали двум мужчинам, как часть имущества, вместе с акциями и загородным домом?

Потом она встала и достала чемодан. Руки двигались сами: свитера, джинсы, косметичка. Последней она положила фотографию с мамой в простой деревянной рамке. Положила сверху, бережно, как единственное, что по-настоящему принадлежало ей.

В 18:52 у ворот остановился чёрный автомобиль. В 18:58 в дверь позвонили. Немолодой молчаливый водитель взял чемодан, коротко кивнул и не произнёс ни слова.

Но на заднем сиденье она оказалась не одна. У противоположного окна сидел Марк. Он читал что-то в телефоне и даже не поднял головы, когда она села.

— Пристегнись.

Машина тронулась. Огни города проплывали за стеклом, а он молчал минут десять, и это молчание давило сильнее любых слов. Потом убрал телефон.

— Правила простые. Ты не выходишь из дома без моего разрешения. Телефон отдаёшь мне каждый вечер в десять. Ужинаешь со мной, каждый день, в восемь. Опаздывать нельзя.

Он наконец повернулся к ней. В полутьме салона его серые глаза казались почти чёрными.

— Глеб будет тебе улыбаться. Будет говорить, что он добрый, а я чудовище. Возможно, он даже прав. Но запомни: я никогда тебе не лгу. А он лжёт всегда.

Он протянул руку ладонью вверх.

— Телефон.

Элина прижала телефон к груди. Голос дрогнул, но она заставила себя посмотреть ему в лицо.

— Зачем вам мой телефон? Я не отдам. Это мои личные вещи.

Марк не убрал руку. Он смотрел на неё спокойно, почти с интересом, как смотрят на ребёнка, впервые сказавшего «нет».

— Личные вещи, — повторил он без тени улыбки. — Элина, до двадцати пяти лет у тебя нет ничего личного. Ни счёта, ни квартиры, ни телефона. Всё, что на тебе надето, оплачено из наследства, которым теперь распоряжаюсь я.

Машина остановилась у крыльца. Водитель вышел, но дверь открывать не стал, будто знал, что разговор ещё не окончен.

— Я спрошу ещё один раз, — тихо сказал Марк. — Дальше я перестану спрашивать.

Она не шевельнулась. Секунду ничего не происходило. А потом он двинулся — быстро, без видимого усилия. Его пальцы сомкнулись на её запястье, не больно, но так крепко, что

вырваться было невозможно. Другой рукой он спокойно разжал её пальцы, один за другим, не отводя взгляда от её глаз.

Телефон оказался у него. Но руку он отпустил не сразу. Большим пальцем медленно провёл по внутренней стороне её запястья, там, где бился пульс.

— Сердце колотится, — заметил он. — Хорошо. Значит, ты понимаешь, с кем говоришь.

Он убрал телефон во внутренний карман пиджака, вышел, обошёл машину и сам открыл её дверь.

— Получишь его завтра утром, на час. Звонить можешь кому угодно — при мне. А сопротивление… — он чуть наклонился, опершись ладонью о крышу автомобиля, — сопротивление у нас будет стоить дорого. Сегодня я тебя прощаю. Ты устала и только что похоронила отца. Завтра не прощу.

Он отступил, пропуская её.

— Выходи. Ужин через двадцать минут.

Где-то в доме вспыхнуло второе окно, на втором этаже. За шторой мелькнул женский силуэт — кто-то смотрел на машину сверху — и тут же исчез.

● · # · ●

Холодный ноябрьский воздух обжёг лицо, и в голове у Элины вдруг стало ясно и пусто. Это не опека. Опекуны не отбирают телефоны силой, не держат за запястье, не говорят, что сопротивление будет стоить дорого. Отец не мог этого хотеть. Или мог — а она просто чего-то не знала о собственном отце?

На ступенях она остановилась и обернулась.

— Это не опека, — сказала она, и голос дрожал, но взгляда она не отвела. — Опекуны так себя не ведут. Зачем вам это? Что происходит?

Марк поднялся на ступень выше и теперь смотрел на неё сверху вниз. Долго молчал. Ветер шевелил полы его пальто.

— Ты задаёшь правильный вопрос, — наконец произнёс он. — Это уже хорошо.

Он открыл тяжёлую дубовую дверь, но не вошёл.

— Твой отец не оставил тебе наследства, Элина. Он оставил тебе долги и людей, которые хотят их получить. Очень опасных людей. Завещание, которое ты сегодня слышала, — единственное, что стоит между тобой и ними. Пока ты под нашей опекой, никто не имеет права к тебе прикоснуться.

Пауза. Его взгляд потемнел.

— Кроме нас.

Холл оказался огромным: мраморный пол, широкая лестница, картины в тяжёлых рамах. Здесь было тепло, пахло воском и дровами из камина, и всё равно от этого дома веяло холодом.

— А то, как я себя веду, — он снял пальто и, не глядя, отдал его подошедшей горничной, — не имеет никакого отношения к твоему отцу. Это имеет отношение к тебе.

Он прошёл мимо, едва задев её плечо, и бросил уже обычным ровным тоном:

— Галина Петровна покажет тебе комнату. Восемнадцать минут.

Горничная, полная женщина лет шестидесяти, посмотрела на Элину с плохо скрытой жалостью и молча кивнула в сторону лестницы.

Когда они поднялись на второй этаж, Элина заметила в конце коридора приоткрытую дверь. Ту самую комнату, где горел свет. Сейчас там было темно. Но дверь медленно, совершенно бесшумно закрылась — будто кто-то стоял за ней всё это время и слушал.

Глава 2. Третий прибор

Галина Петровна шла впереди медленно, тяжело переставляя ноги, будто нарочно оттягивала время. Ступени широкой лестницы были из того же серого камня, что и стены снаружи, и холод от них поднимался даже сквозь подошвы. В доме стояла тишина, но не уютная, вечерняя, а настороженная. Элине казалось, что сам дом прислушивается к её шагам и запоминает их.

— Сюда, Элина Андреевна, — горничная свернула в левое крыло.

Элина не удержалась и оглянулась. Коридор уходил вправо, в полумрак, и в самом его конце темнела та самая дверь: тёмное дерево, бронзовая ручка. Теперь она была плотно закрыта. Но на одно короткое мгновение Элине почудилось, что под ней мелькнула тонкая полоска света и тут же погасла.

Галина Петровна заметила её взгляд. Пальцы, сжимавшие связку ключей, напряглись.

— Туда не ходите, — тихо сказала она, не оборачиваясь. — Марк Викторович не любит.

— А кто там?

Горничная молчала так долго, что Элина перестала ждать ответа.

— Никто, деточка, — наконец произнесла она тем особенным голосом, каким говорят люди, которым не хочется лгать, но и правду сказать нельзя.

Замок щёлкнул, и Элина переступила порог.

Комната была красивой, и именно эта красота пугала. Высокие окна, за которыми чернел лес. Кровать под серым покрывалом без единой складки. На туалетном столике уже стояли её вещи: расчёска, флакон духов, мамина фотография в деревянной рамке. Кто-то распаковал её чемодан. Кто-то брал в руки её вещи и расставил их ровно, будто по линейке. Элина смотрела на мамино лицо за стеклом, и ей казалось, что даже эту фотографию у неё уже отобрали и вернули обратно, разрешив пока подержать.

На кровати лежало платье. Тёмно-синее, строгое, с закрытым горлом и длинными рукавами. Не её. Рядом белела карточка, исписанная твёрдым угловатым почерком:

«20:00. Не опаздывай. М.»

— Это он сам выбирал, — Галина Петровна зачем-то поправила и без того ровную штору. — Сам и привёз. Вчера.

Вчера. Когда Элина ещё ничего не знала о завещании. Когда она ещё думала, что её жизнь принадлежит ей. Значит, он всё решил заранее. Он знал, что она будет стоять в этой комнате, знал её размер, знал, какой цвет ей пойдёт. От этой мысли по спине пробежал холодок.

Горничная подошла ближе. От неё пахло ванилью и чем-то аптечным, и голос она понизила почти до шёпота:

— Послушайте старуху. Не спорьте с ним за столом. При людях он спокойный, а когда ему перечат… — она осеклась и покачала головой. — Он не злой человек. Просто не умеет отпускать. Никого.

— Никого? — Элина подняла на неё глаза. — Значит, были и другие?

Галина Петровна поджала губы, и по её лицу стало ясно, что она сказала лишнее.

— Восемнадцать минут, — произнесла она уже обычным голосом. — Ванная за той дверью. Я зайду без пяти.

Дверь за ней закрылась. Щелчка замка не последовало, но легче от этого почему-то не стало.

Оставшись одна, Элина заметила то, чего не увидела сразу. На подушке, почти скрытая складкой покрывала, лежала маленькая коробочка, обтянутая чёрным бархатом. И карточка, но почерк на ней был другой, размашистый и небрежный:

«Чтобы не скучала по мне, принцесса. Тридцать дней пролетят быстро. Г.»

Глеб. Глеб был здесь, в доме Марка, в этой комнате, раньше неё. Он трогал эту подушку, улыбаясь своей тёплой улыбкой, и оставил ей подарок, как метку. Как зверь метит территорию, которая ему пока не принадлежит.

Она не успела открыть коробочку. В коридоре раздались шаги, лёгкие, на каблуках, совсем не похожие на шаркающую походку горничной. Они замерли прямо у её двери. Под дверью легла тень. Кто-то стоял там и не стучал.

Часы на стене показывали 19:43.

Элина не стала ждать, пока тень решится. Она ушла в ванную и закрыла за собой дверь.

Холодная вода обожгла лицо. Элина стояла над раковиной, опираясь ладонями о мраморный край, и смотрела, как капли стекают с подбородка. Из зеркала на неё глядела бледная девушка с тёмными кругами под глазами, будто за три дня она прожила три года. Напряжение понемногу отпускало, но не до конца. Где-то глубоко внутри оно свернулось тугим узлом и ждало.

Платье она надевать не стала. Оно так и осталось лежать на кровати, аккуратное, чужое, нетронутое. Она поужинает в своём. Хотя бы это пусть останется её решением.

Когда она вышла из ванной, тени под дверью уже не было. Но в комнате остался запах, которого здесь прежде не было: горьковатый, дорогой, с ноткой ириса. Женские духи. Не её.

Элина перевела взгляд на кровать. Бархатная коробочка лежала на месте. А вот карточки Глеба рядом с ней больше не было.

Ровно без пяти восемь раздался стук. Галина Петровна заглянула в комнату, увидела Элину в той же одежде, в которой она приехала, и переменилась в лице.

— Элина Андреевна… — она посмотрела на платье, на часы, снова на Элину. — Господи. Ну хоть волосы поправьте.

Больше она не сказала ни слова. Только перекрестилась украдкой, пока они шли к лестнице.

● · # · ●

Столовая оказалась огромной и полутёмной. Длинный стол из чёрного дерева, свечи в высоких подсвечниках, и больше никакого света. За окнами стояла непроглядная темнота, и в стекле отражалась только она сама, маленькая и потерянная посреди чужого дома.

Марк уже сидел во главе стола. Перед ним стоял бокал тёмного вина, к которому он, кажется, не притрагивался. Когда Элина вошла, он взглянул на часы.

Восемь ноль-ноль.

— Вовремя, — произнёс он, и на долю секунды в его голосе прозвучало что-то похожее на одобрение.

Потом он поднял глаза и посмотрел на неё долго и неторопливо, с головы до ног. Джинсы. Свитер. Влажные пряди у висков. Ни один мускул на его лице не дрогнул, но воздух в комнате стал ощутимо тяжелее, и Элина почувствовала это кожей.

— Садись.

Её место было справа от него, совсем рядом. Слишком близко.

И только сев, она заметила, что приборов на столе три. Напротив неё, по левую руку от Марка, стояла ещё одна тарелка, лежали серебряные вилка и нож, ждал пустой бокал. Стул был чуть отодвинут, будто кто-то вот-вот войдёт и сядет.

Галина Петровна молча разлила суп и вышла, плотно прикрыв за собой дверь. Её шаги затихли в коридоре.

Марк взял ложку, но есть не стал.

— Ты видела платье, — сказал он ровно. Это был не вопрос.

Пламя свечей отражалось в его серых глазах и делало их почти серебряными.

— Ты решила, что это вопрос вкуса, — продолжил он так спокойно, словно обсуждал погоду. — Что можно выбирать: надеть или нет. Что моя просьба — всего лишь вежливость.

Он отложил ложку и повернулся к ней всем корпусом.

— Я не прошу, Элина. Я никогда не прошу.

Пауза. Его пальцы лежали на скатерти в нескольких сантиметрах от её руки, и Элина не могла отвести от них взгляд.

— Ешь. Тебе нужны силы. А после ужина поднимешься ко мне в кабинет. Обсудим, чего стоит непослушание в этом доме.

Он взял бокал и впервые сделал глоток. Его взгляд скользнул к пустому прибору напротив и задержался там на одно короткое мгновение, с выражением, которого Элина у него ещё не видела. Не холодным. Почти больным.

Она не выдержала.

— Кто-то ещё придёт? — голос прозвучал тише, чем ей хотелось. — Кто вообще живёт в этом доме?

Марк поставил бокал медленно, точно, без единого звука, и только потом повернулся к ней.

— Я говорил тебе в машине, что никогда не лгу.

— Помню.

— Тогда запомни и другое. Если я не отвечаю на вопрос, значит, правда тебе пока не нужна.

Он снова взял ложку, будто разговор окончен. Но через несколько секунд всё-таки произнёс, не глядя на неё:

— В этом доме живу я. Галина Петровна, она служит здесь двенадцать лет. Двое охранников в домике у ворот, в дом они не заходят. Садовник приходит по вторникам. — Короткая пауза. — И теперь ты.

Это звучало как полный список. Но Элина услышала, как тщательно он подбирал слова. «Живу». «Служит». «Приходит». Ни одной лжи и ни слова о комнате в конце коридора.

— А этот прибор? — она кивнула на пустую тарелку.

Его пальцы на мгновение замерли.

— Его ставят каждый вечер. Уже давно. Это моё распоряжение, и оно не обсуждается.

— Значит, кто-то должен прийти?

— Никто не придёт.

И Элина почему-то поверила ему сразу. От этого стало только страшнее. Здесь каждый вечер накрывали стол для того, кто точно не придёт.

Тишину разорвал резкий звонок в дверь. Три раза подряд, настойчиво и нагло.

Марк не поднял головы. Только челюсть его едва заметно напряглась.

Из холла донеслись торопливые шаги горничной, щелчок замка и знакомый голос, весёлый, с лёгкой хрипотцой, будто его обладатель только что смеялся:

— Галочка, золотая моя, не надо так пугаться, я не привидение. Где они? Уже ужинают? Без меня? Как невежливо.

Двери столовой распахнулись без стука.

На пороге стоял Глеб в расстёгнутом пальто, с мокрыми от дождя волосами, и крутил в пальцах неизменную зажигалку. Он обвёл взглядом стол, свечи, Марка и остановился на Элине. Улыбка была широкой и тёплой. Глаза оставались холодными.

— Принцесса, — протянул он. — Ты не надела платье. Хорошая девочка. Мне оно тоже не понравилось.

Он бросил пальто на спинку ближайшего стула и направился прямо к третьему прибору.

— Не смей, — тихо сказал Марк.

Он не повысил голоса. Но Глеб остановился, положив руку на спинку того самого отодвинутого стула, и впервые его улыбка стала на долю градуса холоднее.

— Не этот стул, Глеб. Ты знаешь.

Глеб медленно убрал руку. Он посмотрел на Марка, потом на неё, и в глазах его вспыхнуло что-то острое и довольное, как у человека, только что нащупавшего чужое слабое место.

— Знаю, — мягко согласился он. — А вот она, похоже, ещё нет.

Элина переводила растерянный взгляд с одного на другого и ничего не понимала. Между ними будто натянули невидимую струну, и она, сама того не зная, оказалась прямо на ней.

Глеб поймал её взгляд, и улыбка вернулась к нему мгновенно, словно ничего не случилось.

— Ох, принцесса, не смотри так. Ты как оленёнок на трассе. — Он отодвинул стул по другую сторону от неё и сел, вальяжно откинувшись на спинку. Теперь она оказалась между ними. — Марк у нас человек традиций. У него свои маленькие ритуалы. Правда, Марк?

Марк молча продолжал есть. Только костяшки пальцев на рукояти ножа побелели.

— Он, кстати, никогда не лжёт, — Глеб доверительно наклонился к ней. От него пахло дождём, табаком и чем-то пряным. — Так что можешь просто спросить у него, чьё это место. Он обязан будет ответить. Или промолчать, что гораздо красноречивее.

— Зачем ты приехал? — в ровном голосе Марка зазвенела сталь.

— Соскучился. — Глеб взял чистый бокал и сам налил себе вина из бутылки Марка. — Мы же договорились делить всё поровну. Значит, и ужины тоже. Хотел убедиться, что моя подопечная в целости и сохранности.

Его взгляд медленно скользнул по ней и задержался на запястье. Там, где в машине его сжимали пальцы Марка, проступал бледный след. Глаза Глеба потемнели.

— Хотя, вижу, не совсем в целости.

— Она отказалась отдать телефон.

— И ты, конечно, объяснил ей правила, — мягко протянул Глеб. — Своим особым способом.

— Своим единственным способом. В отличие от тебя, я не притворяюсь.

Между ними повисло что-то тяжёлое и давнее, гораздо старше этого вечера и старше неё самой. Элина вдруг ясно почувствовала себя костью между двумя волками, которые пока только показывают зубы.

Глеб первым отвёл взгляд и повернулся к ней, тепло, почти нежно.

— Открыла мой подарок?

— Он был в моём доме без моего ведома, — произнёс Марк, не поднимая глаз. — Это мы тоже обсудим.

— Галочка меня любит, — рассмеялся Глеб. — Пустила вчера днём, пока ты был занят нотариусом. — Он подмигнул Элине. — Открой его потом, когда останешься одна. Только ему не показывай.

Марк отложил приборы.

— После ужина у неё разговор со мной в кабинете. А ты уедешь через десять минут.

— Кабинет? — брови Глеба взлетели вверх, и в голосе прозвучало неприкрытое удовольствие. — В первый же вечер? Марк, ты теряешь хватку. Раньше ты был терпеливее. — Он снова посмотрел на пустой прибор. — Хотя нет. Не был.

Он поднялся, допил вино одним глотком и неторопливо забрал пальто. Проходя у неё за спиной, вдруг склонился. Его ладонь легла ей на плечо, легко, почти невесомо, а губы оказались у самого уха. Шёпот был таким тихим, что услышала его только она:

— Её звали Вера. Спроси его, где она сейчас.

Он выпрямился с безупречной улыбкой.

— Спокойной ночи, принцесса. До встречи через тридцать дней. Или раньше.

Двери за ним закрылись. В столовой остались только треск свечей и Марк, который смотрел на неё. Он не слышал ни слова. Но по его глазам Элина поняла: он знает, что Глеб ей что-то сказал.

Глава 3. Сорок семь

Марк не шевельнулся. Свеча между ними потрескивала, и воск медленно стекал по бронзе подсвечника.

— Что он тебе сказал?

Голос был тихим, почти мягким, и от этой мягкости по коже Элины пробежал холод. Марк отодвинул тарелку и положил руку на стол, совсем рядом с её рукой, не касаясь. Он смотрел не в лицо, а ниже, туда, где на шее бился пульс. Так же он смотрел на неё в машине.

— Не торопись с ответом, Элина. Глеб умеет говорить так, что правда звучит как ложь, а ложь как правда. Это его талант. Мой в другом. — Он чуть наклонился к ней. — Я всегда знаю, когда мне лгут.

Наверху, прямо над столовой, тихо скрипнули половицы. Кто-то медленно шёл по второму этажу.

Элина сглотнула. Лгать ему не имело смысла, она чувствовала это всем телом.

— Он назвал имя, — сказала она.

Всего три слова. Но лицо Марка изменилось. Это был не гнев. На одно мгновение из его лица будто ушла жизнь, и оно стало пустым, как дом с погашенными окнами. Пальцы на скатерти медленно сжались в кулак.

— Вера, — произнёс он сам, очень тихо, будто пробуя, не порежется ли. Похоже, это имя давно не звучало вслух в этих стенах.

Он долго смотрел на пустую тарелку напротив.

— Глеб выбрал хорошее время. Он всегда знает, куда бить. Это единственное, в чём он честен. — Марк повернулся к ней. — Я не стану тебе лгать. И сейчас не стану отвечать. Ты услышишь эту историю, но не от него и не сегодня. А пока запомни: всё, что Глеб шепчет тебе на ухо, он шепчет не для тебя. Он шепчет это для меня.

Наверху снова скрипнуло, уже ближе к лестнице, и раздался глухой стук, будто что-то упало на пол.

Дверь распахнулась. На пороге стояла Галина Петровна, бледная, прижимая ладонь к груди.

— Марк Викторович… Она опять… Она вышла.

Марк поднялся так резко, что стул едва не опрокинулся. Впервые за весь вечер его безупречное спокойствие дало трещину.

— Сиди здесь. Не выходи из этой комнаты.

Двери за ним захлопнулись. Элина осталась одна за длинным столом, напротив пустого прибора, и слушала, как над головой стихают его быстрые шаги.

А потом совсем рядом, прямо за дверью столовой, раздался женский смех, тихий и надломленный.

Она не думала, просто встала и открыла дверь.

● · # · ●

Холл тонул в полумраке. Горел только камин, и отблески огня скользили по мраморному полу и тёмным картинам. Пахло горьковатыми духами с ирисом, теми самыми, что остались в её комнате.

У подножия лестницы, прислонившись плечом к перилам, стояла женщина. Ей было, наверное, чуть за тридцать. Очень худая, в длинном шёлковом халате цвета пепла, босая. Светлые волосы распущены и спутаны. Она была красива той выцветшей, хрупкой красотой, какая бывает у цветов, засушенных между страницами старой книги.

Она посмотрела на Элину и медленно, рассеянно улыбнулась, будто узнала её.

— А ты не надела синее. Правильно. Я тоже не надевала. Он потом привык.

Она шагнула ближе, бесшумно ступая по мрамору, и протянула маленькую белую карточку. Элина узнала размашистый почерк Глеба.

— Это твоё. Я забрала. Хотела посмотреть, что он тебе пишет. — Женщина склонила голову набок. — Он и мне писал «принцесса». Слово в слово.

Взгляд её вдруг стал острым и совершенно ясным.

— Марк никогда не лжёт. Это правда. Он просто молчит о главном. А Глеб лжёт всегда. Но иногда, когда ему выгодно, говорит правду. Вот это и есть самое страшное.

Элина смотрела на неё, на босые ноги на холодном камне, на тонкие руки, и в груди сжималось что-то похожее на жалость и страх одновременно.

— Кто вы? — вырвалось у неё. — Что с вами сделали?

Женщина тихо рассмеялась, почти нежно.

— Кто я? Я та, кому тоже когда-то сказали: «Тебе нужно только слушать и выполнять. Это несложно».

У Элины похолодело внутри. Те же самые слова Марк сказал ей у нотариуса.

— А что со мной сделали… Ничего, деточка. Я всё сделала сама. Просто поверила не тому, кому нужно было. — Холодные пальцы коснулись щеки Элины, легко, как паутина. — Ты похожа на меня. Такую, какой я была. Поэтому он…

— Хватит.

Марк уже стоял рядом. Элина не слышала, как он спустился. Он не схватил женщину и не дёрнул её за руку, как она ожидала. Он снял пиджак и накинул ей на плечи так бережно, что Элина не поверила своим глазам.

— Ты замёрзла, — сказал он тихо. Таким голосом он с Элиной ещё ни разу не говорил. — Галина Петровна проводит тебя наверх.

Женщина послушно закуталась в пиджак, не сводя с Элины глаз.

— Спроси его, кто я ему. Он не соврёт.

— Вера — моя сестра, — ровно произнёс Марк. И, помолчав, добавил: — И то, что с ней случилось, сделал не я.

На середине лестницы Вера обернулась, и на её лице снова мелькнула та странная улыбка.

— Он не сказал тебе, кто это сделал. Заметила?

Наверху хлопнула дверь в конце коридора.

Марк протянул руку ладонью вверх, как тогда в машине.

— Карточку. А потом в кабинет. Ты нарушила второе правило за один вечер.

Элина положила карточку ему на ладонь. Пальцы дрожали, и она ничего не могла с этим поделать. Она подняла на него глаза, испуганные и вопрошающие, и он долго смотрел в них, не мигая. По его лицу пробежала тень и тут же исчезла. Казалось, её страх задел его сильнее любого непослушания.

Он прочёл карточку один раз и, не глядя, бросил в камин. Размашистое «Г.» почернело и свернулось в огне.

● · # · ●

Кабинет оказался тёмным и тёплым: книжные шкафы до потолка, массивный стол, лампа под зелёным абажуром. Посреди стола лежал её телефон. Марк запер дверь и убрал ключ в карман.

— Ты, наверное, ждёшь, что я тебя ударю. Или запру, — сказал он, стоя у окна. — Я не трогаю женщин так, Элина. У меня есть способы гораздо надёжнее.

Наказание прозвучало спокойно, как распорядок дня: завтра весь день здесь, рядом с ним, на этом диване, без телефона. Чтобы он видел её каждую минуту. Чтобы она привыкла к тому, что он рядом.

Потом он выдвинул ящик стола и положил рядом с ней фотографию. На снимке Элина, девятнадцатилетняя, смеялась на каком-то летнем приёме, в белом платье, с бокалом лимонада. Края фотографии были стёрты, будто её много раз брали в руки.

— Ты спрашивала, зачем мне всё это. Я сказал, что это не имеет отношения к твоему отцу. Я никогда не лгу.

Элина смотрела на свою улыбку трёхлетней давности и не узнавала себя.

— Тогда зачем? — тихо спросила она. — Объясните мне.

Он долго молчал, глядя на снимок, а не на неё.

— Летний приём у Савельевых. Ты не помнишь меня. Но, может быть, помнишь женщину, которая весь вечер сидела одна на веранде.

В памяти смутно шевельнулось: светлые волосы, тонкие руки, недопитый стакан.

— Её все обходили стороной. А ты не знала ничего. Ты села рядом, принесла ей лимонад и проговорила с ней целый час. О книгах, о море. Она смеялась. — Голос его чуть сел. — Я два года не слышал, как она смеётся. Я стоял в дверях и смотрел на тебя весь этот час. А потом каждый день после.

Он опустился перед ней на одно колено, и даже так не был похож на человека, который о чём-то просит. Рассказал, как через неделю пришёл к её отцу и тот отказал, сказав, что скорее убьёт его, чем подпустит к дочери. Как отец закрывал перед ней двери, когда Марк приезжал. И как потом отец задолжал людям, против которых у него не было защиты, кроме Марка, и подписал завещание, потому что другого выхода не осталось.

— Он отдал мне то единственное, что поклялся никогда не отдавать. — Пальцы Марка коснулись её подбородка, не позволяя отвернуться. — Мне не нужны его долги и его акции. Мне нужна ты. Три года была нужна. И Глеб это знает. Ты нужна ему не потому, что нужна ему. А потому, что нужна мне.

Часы на камине пробили десять. Марк взял со стола её телефон, и экран вспыхнул у него в руке. Незнакомый номер, одна строчка:

«Ну что, принцесса, он уже показал тебе фотографию? Спроси, сколько у него их».

Элина подняла на него глаза. Она не произнесла ни слова, но вопрос был в её взгляде, и он понял.

Марк не стал ничего объяснять. Он отпер нижний ящик и положил на стол тонкую кожаную папку. Фотографии лежали в ней ровно, одна к одной. Элина на ступенях университета. В кофейне у окна. Под дождём в парке, без зонта, смеющаяся в телефон. У ворот кладбища три дня назад, в чёрном, с неподвижным белым лицом. На обороте каждой стояла дата, выведенная его твёрдым почерком.

— Сорок семь, — сказал он. — Ты спросила, я ответил. Я не мог подойти к тебе, твой отец об этом позаботился. Поэтому я смотрел. Можешь считать это безумием. Возможно, так и есть.

Он взял последний снимок, с похорон.

— Ты не плакала тогда. Стояла одна, и никто к тебе не подошёл. А я сидел в машине за оградой и не имел права выйти.

Потом его лицо изменилось: холод сменился острым, хищным вниманием.

— Эта папка никогда не покидала ящика. Ключ только у меня. Глеб ни разу не был в этом кабинете. — Марк поднял глаза к потолку, туда, где над ними тянулся коридор второго этажа. — Значит, ему рассказал кто-то из тех, кто живёт в этом доме.

Наверху едва слышно скрипнула половица и замерла.

Элина заставила себя заговорить.

— Как Глеб вообще попал в завещание? Какое он имеет ко всему этому отношение? Что ему нужно?

Марк ответил не сразу, будто взвешивал, сколько правды она сейчас вынесет. Глеб был партнёром её отца двенадцать лет, знал все его дела и всех, кому тот был должен. А как он попал в завещание, Марк рассказывать не стал. Сказал только, что Глеб оказался там раньше него и что правду об этом она услышит не от них двоих.

— А Вера? — спросила Элина.

— Шесть лет назад Глеб собирался на ней жениться. Она любила его так, как любят один раз в жизни. А ему нужна была не она. Ему нужно было отнять что-то у меня. — Челюсть Марка окаменела. — Он добился своего за полгода и ушёл. Ты видела, что от неё осталось.

Он объяснил и остальное: завещание даёт опекунам право решать, за кого она выйдет замуж, а её муж получит долю отца в компании.

— Но деньги не главное. Ему всегда нужно было только то, что нужно мне. Никогда ничего своего. Только моё.

Он проводил её до комнаты по тёмному коридору и сам открыл дверь, но не вошёл.

— Сегодня я запру тебя снаружи. Не в наказание. В этом доме кто-то разговаривает с Глебом. Пока я не узнаю кто, я не хочу, чтобы ночью к тебе кто-то вошёл.

Его пальцы на мгновение коснулись её руки, едва ощутимо.

— В восемь утра. Кабинет. Спокойной ночи, Элина.

Ключ дважды повернулся в замке.

● · # · ●

Синее платье с кровати исчезло. Чёрная бархатная коробочка Глеба по-прежнему лежала на подушке.

Элина села на край кровати и закрыла лицо руками. Медленно, тяжело, как вода сквозь камень, к ней приходило понимание того, куда она попала. Она ничего не значит. Она не человек, а доля в компании, ставка в чужой игре. Два мужчины делят её, как делили бы акции, и, может быть, заодно развлекаются.

Отказаться, думала она. Подписать бумагу, отдать им всё: деньги, долю, этот проклятый дом. Пусть делят своё «поровну». Она снимет комнату, найдёт работу, как-нибудь проживёт. Отстанут ли они тогда?

Но в памяти всплыл сухой голос нотариуса, читавшего по слогам: *«…всё имущество, а также решения о месте её проживания, учёбе и браке…»*Не только деньги. Её жизнь. От наследства, может быть, и можно отказаться. Но можно ли отказаться от самой себя?

А ещё долги. И люди, о которых Марк говорил так, что даже у него менялся голос. Кто защитит её от них, если она станет просто девушкой с пустыми руками?

Она давно не ребёнок. Ей двадцать два, она взрослая женщина. Но никогда ещё она не чувствовала себя такой беспомощной.

Луна заливала комнату серебром. Мама улыбалась с фотографии на туалетном столике так, будто ничего не случилось.

И тогда у двери раздался тихий, едва уловимый шорох.

Под дверь медленно проскользнул сложенный вдвое листок. Шагов не было слышно. Только тень лежала на полоске лунного света у порога: кто-то сидел на корточках прямо за её запертой дверью.

Элина метнулась к двери и дёрнула ручку. Заперто. Конечно, заперто.

Она подняла листок. Плотная кремовая бумага пахла ирисом.

Тень за дверью не уходила.

Глава 4. Девяносто дней

Элина развернула листок. Почерк был тонкий, наклонный, с длинными хвостиками у букв. Чернила кое-где расплылись, будто писали дрожащей рукой.

«Ты думаешь, что можно просто отказаться и уйти. Нельзя. Я пробовала.

Не открывай коробку при нём. И не открывай её вообще, пока не поговоришь со мной.

Завтра в полдень он уедет в город на час. Он всегда уезжает по понедельникам, даже если весь мир горит. Галина в это время спит после обеда.

Моя комната в конце коридора. Дверь будет открыта.

Ты спрашивала, что со мной сделали. Я покажу.

И ещё. Марк сказал тебе правду: это не имеет отношения к твоему отцу. Но он не сказал, что это имеет отношение ко мне.

В.»

Она дочитала, и сквозь замочную скважину донёсся шёпот, едва различимый, как ветер в щели:

— Сожги после.

Тень у порога шевельнулась. Элина услышала, как кто-то поднимается с колен, лёгкий шорох шёлка и удаляющиеся босые шаги.

А через несколько секунд с другого конца коридора зазвучали другие шаги. Тяжёлые, мужские, неторопливые. Они остановились прямо у её двери. Тихо звякнули ключи на связке.

Человек за дверью не входил. Он просто стоял. Элина почти физически чувствовала его сквозь толстое дерево, и поверх запаха ириса в воздухе проступил горький древесный аромат.

— Ты не спишь, — негромко сказал Марк. Это был не вопрос. — Я вижу под дверью свет луны. И чью-то тень, которая только что ушла. — Пауза. — Что бы она тебе ни дала, Элина, утром это будет лежать у меня на столе.

На прикроватном столике стояла толстая свеча в стеклянном подсвечнике, рядом коробок спичек. Элина чиркнула спичкой, и огонёк вспыхнул неожиданно ярко в лунной темноте.

Она сожжёт. Вера казалась ей единственным союзником в этом доме. Единственной, кому от неё ничего не нужно. А мужчины этого дома только и делали, что использовали её.

Край листка занялся не сразу: бумага была плотная и дорогая. Потом пламя всё-таки поползло вверх, слизывая тонкие наклонные буквы одну за другой. «Я покажу». «В.». Элина держала листок до последнего, пока огонь не обжёг пальцы, и бросила остаток в подсвечник. Комнату наполнил запах палёной бумаги и ириса.

За дверью стало так тихо, что она почти решила: он ушёл.

— Жжёшь, — произнёс Марк. Голос был ровным, но что-то в нём изменилось. — Значит, было что жечь.

Дерево едва слышно скрипнуло: он прислонился к двери, может быть, плечом, может быть, ладонью.

— Ты думаешь, она единственная в этом доме, кто ничего от тебя не хочет. — Он говорил медленно, будто читал её мысли. — Что я хочу тебя, Глеб хочет отнять тебя у меня, а Вера просто несчастная женщина в халате, которая протянула тебе руку. — Короткая пауза. — Вера хочет того же, что и все мы, Элина. Только ей это нужнее. И ждать она умеет дольше всех.

Ключи снова звякнули. Он так и не отпер дверь.

— Спи. Завтра в восемь.

Шаги удалились и затихли в другом конце коридора. Где-то хлопнула дверь, потом ещё одна, дальше, приглушённо.

Свеча догорала. В стеклянном подсвечнике чернел комочек пепла. И в этой тишине Элина вдруг услышала звук совсем рядом, за спиной, на кровати.

Тихое ритмичное жужжание.

Чёрная бархатная коробочка Глеба на подушке мелко вздрагивала. Внутри вибрировал телефон.

● · # · ●

Бархат мягко поддался под пальцами. На чёрном шёлке лежал маленький тонкий телефон, совсем новый, без единой царапины. Рядом свернулась серебряная цепочка с крошечным кулоном: миниатюрная зажигалка, точная копия той, что Глеб вечно крутил в пальцах.

На экране светилось: «Ответь мне». Без имени.

Элина поднесла телефон к уху.

Несколько секунд в трубке было слышно только дыхание и далёкий шум дождя. Потом раздался мягкий смешок, тёплый, хрипловатый, будто он улыбался в темноте.

— А вот и ты, принцесса. — Голос Глеба звучал совсем близко, словно он лежал рядом на соседней подушке. — Я уж думал, не откроешь. Ты очень послушная девочка. Даже слишком для этого дома.

Щелчок зажигалки на том конце. Глубокий вдох.

— Не бойся, он не услышит. Этот номер не знает никто. Ни Марк, ни его охрана, ни Галочка. Только ты и я. — Пауза. — Он показал тебе папку, да? Сорок семь фотографий. Аккуратно, по датам. Он у нас педант.

Он медленно выдохнул дым.

— Знаешь, в чём разница между нами, Эля? Марк три года смотрел на тебя и ничего не делал. Только смотрел. Собирал. Как коллекционер бабочек. — Голос стал тише и мягче. — А я пришёл к тебе в первый же вечер. Я хотя бы честен в том, чего хочу.

Он помолчал, давая ей время. Потом заговорил другим тоном, без улыбки:

— Тебе сегодня, наверное, сказали, что я сломал Веру. Что мне нужно только отнять у Марка всё, что ему дорого. Он ведь никогда не лжёт, правда? — Короткий смешок. — Только он не рассказал тебе, почему Вера ушла от него ко мне. От родного брата. И почему она до сих пор, шесть лет спустя, пишет мне по ночам.

В трубке зашуршало, будто он устраивался удобнее.

— Подойди к окну, принцесса. Я хочу, чтобы ты кое-что увидела.

Элина помедлила. Потом подошла.

За высоким окном чернел лес и тянулась подъездная аллея, мокрая от дождя. А у самых ворот, за оградой, под голыми деревьями стояла тёмная машина с выключенными фарами.

Фары мигнули. Один раз. Второй.

— Я никуда не уезжал, — прошептал Глеб ей в ухо. — Я же обещал: тридцать дней или раньше.

— Что вам от меня нужно? — тихо спросила Элина. — Чего хочет Марк, он сказал. А вы?

Он не стал изворачиваться, и от этого стало только страшнее.

— Доля твоего отца в компании. Это раз. — Он помолчал. — И ты. Потому что я терпеть не могу смотреть, как птица бьётся в чужом кулаке. Выходи за меня, принцесса. Год, может, меньше. Потом развод, хорошие деньги, свобода. Без замков. Без папок с фотографиями.

Где-то в глубине дома хлопнула дверь.

— И ещё, — быстро добавил Глеб. — Спроси Марка, о чём он говорил с твоим отцом за день до его смерти. А теперь спрячь телефон. Он возвращается.

Связь оборвалась.

— Я вам не верю, — сказала Элина в пустую трубку. — Ни одному из вас.

Она сунула телефон на самое дно чемодана, под свитера, и села на кровать, подтянув колени к груди. Сердце колотилось так, что отдавалось в висках.

Шаги остановились у двери. На этот раз ключ повернулся в замке. Один раз, второй.

Марк стоял на пороге без пиджака, в рубашке с расстёгнутым воротом и закатанными рукавами. Таким она его ещё не видела. Свет из коридора падал на пол длинной полосой, и его тень дотягивалась до самой кровати.

— Не веришь, — негромко повторил он.

Он слышал. Конечно, он слышал.

Марк вошёл и закрыл дверь. Неторопливо оглядел комнату: погасшую свечу, пепел в подсвечнике, её, сжавшуюся на кровати. Подошёл к окну и долго смотрел на ворота, на пустую мокрую аллею.

— Охрана доложила, что у ворот сорок минут стояла машина, — сказал он, не оборачиваясь. — Без номеров. Уехала три минуты назад.

Он повернулся. Взгляд упал на подушку, где лежала открытая бархатная коробочка. Пустая, если не считать серебряной цепочки.

Марк поднял цепочку двумя пальцами к свету. Кулон медленно вращался, поблёскивая.

— Он подарил тебе это. — Что-то тёмное и очень старое прошло по его лицу. — Шесть лет назад точно такую же он подарил Вере. Она носила её, не снимая. — Он сжал цепочку в кулаке. — Глеб не умеет придумывать новое, Элина. Он просто повторяет то, что однажды сработало.

Он не спросил, что ещё было в коробке. Не стал обыскивать комнату. Только смотрел на неё долго и тяжело, и Элина почти не сомневалась: он знает. Или догадывается. Или ждёт, что она скажет сама.

Потом он развернул глубокое кресло у окна лицом к кровати и сел. Положил цепочку на подлокотник, откинулся на спинку и вытянул ноги, как человек, который никуда не торопится.

— Ты правильно делаешь, что не веришь. Ни ему, ни мне. Слова здесь ничего не стоят. Смотри на то, что люди делают. — Он скрестил руки на груди. В лунном свете его глаза казались почти прозрачными. — Сегодня я останусь здесь. До утра. Пока его машина может вернуться к воротам, ты не будешь одна в этой комнате. Спи, Элина. Я никуда не уйду.

И тогда в ней что-то оборвалось.

— Зачем вам я? — начала она вполголоса, и с каждым словом голос становился громче. — Давайте я всё подпишу! Откажусь от всего, заберите всё! Оставьте меня в покое! Я уеду, далеко…

Голос сломался на середине фразы. Слова отскакивали от каменных стен, и слёзы, которые не пришли на похоронах, которые она держала в себе три дня, прорвались разом. Горячие, злые, бесконечные.

Марк не двигался. Он дослушал до конца, до последнего «оставьте меня в покое», до хриплого всхлипа, после которого кричать было уже нечем.

Потом медленно поднялся.

— Нет.

Одно слово, тихое, без нажима. Так говорят о том, что не обсуждается, как восход солнца.

Он сел на край кровати, и матрас прогнулся под его весом. Не схватил, не сжал запястья. Просто протянул руку и притянул её к себе, к груди, медленно, но так, что вырваться было невозможно. Ладонь легла ей на затылок.

От его рубашки пахло горьким деревом и холодом. Сердце у него билось ровно и тяжело, совсем не так, как её.

— Ты можешь отказаться от денег, Элина, — тихо говорил он ей в волосы. — Можешь подписать всё, что захочешь. Но долги твоего отца от этого никуда не денутся. Люди, которым он должен, не станут разбираться, отказалась ты или нет. Они придут за тем, что у него оста-

лось. А осталась у него только ты. — Его пальцы медленно перебирали её волосы. — Если ты уедешь, они найдут тебя не через месяц. Через три дня. Я знаю, потому что сам нашёл бы за два.

Он не торопил её и не утешал словами. Только держал. Ладонь двигалась по её спине медленно, от лопаток вниз и снова вверх, неумело, будто он делал это впервые в жизни.

— Я не отпущу тебя, — сказал он наконец, совсем тихо. — Не потому, что не могу. Потому, что не хочу. Я ждал три года. Я не умею отпускать. Ты уже слышала это от Галины Петровны.

Слёзы постепенно иссякли, оставив пустоту и свинцовую усталость. Элина положила дрожащую руку ему на грудь, рядом со своим лицом. Под ладонью билось его сердце, ровными тяжёлыми ударами. И она почувствовала, как на мгновение они сбились, будто её прикосновение что-то в нём задело.

Уже на самой грани сна она услышала его шёпот. Он, видимо, был уверен, что она не слышит:

— Твой отец кричал на меня в тот день, потому что я сказал ему правду. Что знаю, кому он пообещал тебя за свои долги.

Голова закружилась. Комната медленно поплыла. Потолок ушёл куда-то вбок, лунный свет растёкся по стенам, как вода, звуки стали далёкими и глухими, будто она опускалась на дно глубокого озера. Элина не понимала, сон это или сознание просто решило уйти из этой комнаты.

— Элина. — Его голос звучал откуда-то сверху и издалека. — Элина. Посмотри на меня.

Она пыталась. Правда пыталась. Но веки были тяжёлыми, как камень.

Дальше всё шло обрывками, будто кто-то листал чужой фотоальбом. Его руки быстро и осторожно укладывают её на подушку. Холодная мокрая ткань на лбу. Голос Галины Петровны, испуганный, причитающий: «Да она ж за весь день ничего не ела, Марк Викторович… Ни крошки… Суп так и остался стоять…» И его голос, низкий и глухой, совсем не похожий на тот, которым он отдаёт приказы: «Я знаю. Это моя вина. Принесите сладкий чай и уйдите».

Кто-то приподнял её голову. Край чашки у губ, горячий сладкий чай, глоток, ещё один. Чья-то ладонь гладила её по волосам, медленно и неумело.

Потом наступила темнота, мягкая и тёплая. Без снов.

● · # · ●

Она проснулась от солнца.

Оно било прямо в глаза сквозь высокие окна, яркое, холодное, ноябрьское. Элина лежала под тяжёлым одеялом, укрытая до подбородка. Обувь кто-то снял и аккуратно поставил у кровати. На прикроватном столике стоял стакан воды и тарелка с бутербродами под салфеткой.

В кресле у окна спал Марк.

Она никогда не видела его спящим. Голова откинута на спинку, рубашка измята, на подбородке проступила тёмная щетина. Одна рука свисала с подлокотника, и в пальцах была зажата серебряная цепочка Глеба. Во сне его лицо казалось моложе и почти беззащитным. Ни холода, ни стали. Просто очень уставший человек, который просидел здесь всю ночь.

Часы на стене показывали 11:52.

Он должен был ждать её в кабинете в восемь. Он должен был уехать в город в полдень: он всегда уезжает по понедельникам, даже если весь мир горит. А в конце коридора, если верить сожжённой записке, через восемь минут откроется дверь.

Только сейчас Элина заметила, что дверь её комнаты не заперта. Она была приоткрыта на ладонь, и из коридора тянуло сквозняком.

Сквозняк пах ирисом.

Элина долго смотрела на эту щель. Нет. Он заметит. С Верой можно поговорить и позже. Кажется, она здесь надолго.

Она выскользнула из-под одеяла медленно, по сантиметру, задерживая дыхание. Пол обжёг холодом босые ступни. Марк не шевельнулся. Цепочка в его пальцах чуть покачивалась и ловила солнечный свет.

Дверь ванной закрылась за ней почти беззвучно.

Она включила воду погорячее и долго стояла под душем, упираясь ладонями в мокрый кафель. Вода смывала вчерашние слёзы, запах ириса, запах его рубашки, въевшийся в волосы. Мысли понемногу выстраивались в ряд.

Она здесь надолго. Это уже ясно. На месяц, на три года, на неопределённый срок. Значит, нельзя бежать сломя голову по первому зову в первую открытую дверь. Нужно смотреть. Слушать. Запоминать. Марк сам сказал: смотри на то, что люди делают.

Вера никуда не денется. Её дверь всегда будет в конце коридора.

Когда Элина вышла, закутанная в толстый белый халат, с мокрыми волосами, кресло у окна было пустым.

Марк стоял у двери. Уже не сонный, собранный, хотя рубашка всё ещё была мятой. Он смотрел на щель, а потом медленно закрыл дверь до щелчка.

— Ты не пошла, — сказал он, не оборачиваясь.

У неё замерло сердце.

— Я не спал последние полчаса. — Он повернулся. В его глазах не было гнева, только внимательный, тяжёлый интерес. — Слышал, как ты проснулась. Как посмотрела на часы. Как долго смотрела на эту дверь. И как пошла в другую сторону.

Он сделал несколько шагов и остановился на расстоянии вытянутой руки.

— Я не знаю, что было в той записке, Элина. Но знаю, что по понедельникам Вера ждёт, когда я уеду. Ждёт уже шесть лет.

Его взгляд скользнул по её мокрым волосам, по халату, по босым ногам и вернулся к лицу.

— Ты выбрала остаться. Сама. — Пауза. — Это стоит дороже, чем ты думаешь.

Он достал из кармана её телефон и положил на прикроватный столик, рядом с тарелкой.

— Твой час. Как обещал. И поешь, это не обсуждается.

Он пошёл к двери, но на пороге остановился.

— Кабинет сегодня отменяется. — Он посмотрел на неё через плечо. — Через два часа оденься во что-нибудь тёплое. В своё, не в то, что выбрал я. Мы едем в город вместе.

— Зачем? — вырвалось у неё.

В серых глазах мелькнуло что-то холодное и острое.

— Ночью ты спросила, зачем ты мне. А я хочу, чтобы ты своими глазами увидела, кому ты была нужна до меня. Человека, которому твой отец обещал тебя за свои долги.

Дверь закрылась. На этот раз ключ в замке не повернулся.

● · # · ●

Ровно через два часа Элина спустилась в холл. На ней было её собственное тёмное пальто, джинсы, тёплый свитер, волосы собраны в узел. Никакого синего платья.

Марк ждал у дверей. Он снова был безупречен: свежая рубашка, тёмный костюм, длинное пальто, и никаких следов бессонной ночи, кроме чуть резче обозначившихся теней под глазами. Он посмотрел на часы, потом на неё.

— Вовремя.

На этот раз в голосе отчётливо слышалось одобрение. Короткое, сдержанное, но она его уловила.

Он сам открыл ей дверь машины. Водитель был тот же, молчаливый. Пока они ехали через лес к трассе, Марк не открывал телефон и не читал бумаги. Смотрел в окно, а потом, будто между делом, заговорил, не поворачивая головы:

— Его зовут Аркадий Львович Зорин. Ему шестьдесят один. Он не бандит, Элина, бандиты таких, как он, боятся. Он банкир. Даёт деньги тем, кому не даёт никто, и никогда не забирает их через суд.

Пауза.

— Твой отец занял у него четыре года назад. Потом ещё. Потом ещё. Когда платить стало нечем, Зорин спросил, что у него осталось ценного. — Челюсть Марка напряглась. — Год назад они ужинали вместе. Ты пришла за отцом в ресторан. Помнишь?

Она помнила смутно. Пожилой мужчина с мягкими руками, который поднялся, когда она подошла к столику. Поцеловал ей руку. Сказал, что у неё глаза матери.

— Вот тогда он и решил, — тихо сказал Марк. — А твой отец не сказал «нет».

● · # · ●

Ресторан в старом особняке в центре был почти пуст. Полумрак, белые скатерти, тихий рояль где-то в глубине зала. Метрдотель поклонился Марку, как старому знакомому, и повёл их в дальний кабинет.

Ладонь Марка лежала у неё на пояснице. Не направляла, а держала. Когда открылась дверь, его пальцы чуть сжались.

За столом у окна сидел тот самый мужчина. Седые волосы, мягкое лицо, очки в тонкой золотой оправе. Добрый дедушка с рекламы дорогого чая. Перед ним стояли чашка и вазочка с вишнёвым вареньем, рядом лежала раскрытая газета.

Он поднял глаза, и мягкое лицо медленно расплылось в улыбке.

— Марк Викторович. Какая честь. — Голос у него был тихий, бархатный. Он отложил газету и встал, глядя на Элину. — И Элина Андреевна. Вы похудели, дорогая. Горе, понимаю. Примите мои соболезнования.

Он протянул руку, явно чтобы снова поцеловать её пальцы.

Марк сделал едва заметный шаг вперёд и оказался между ними. Не резко, а так естественно, будто просто решил подойти к столу.

— Мы ненадолго, Аркадий Львович.

Зорин посмотрел на него поверх очков и медленно опустил руку. Улыбка не исчезла, только стала тоньше.

— Конечно. Вы пришли показать мне завещание. Я читал. — Он сел и аккуратно размешал варенье в чашке. — Красиво сделано. Андрей всегда умел выкрутиться в последний момент. Даже из могилы.

Он отпил чаю и снова посмотрел на Элину. Долго, оценивающе, как смотрят на картину, которую давно хотели купить и почти купили.

— Знаете, что любопытно, Марк Викторович? Вы приходите ко мне с этой девочкой, чтобы показать: она теперь ваша, руки прочь. Очень убедительно. — Он поставил чашку на блюдце. — А вчера вечером у меня был ваш партнёр. Глеб Аркадьевич. Сидел вот на этом самом стуле.

Ладонь на её пояснице окаменела.

Зорин мягко улыбнулся.

— И предлагал мне совсем другую сделку.

Элина села на предложенный стул. Марк не сел. Он стоял рядом, и она чувствовала, как напряжено всё его тело, хотя голос звучал так же ровно, как всегда.

— Говорите, Аркадий Львович. Вы ведь для этого начали.

Зорин неторопливо промокнул губы салфеткой.

— Глеб Аркадьевич очень обаятельный молодой человек. Пришёл с бутылкой коньяка, который я люблю. Знает, что я люблю. Он предложил закрыть долг Андрея полностью. Через долю в компании, которую получит муж Элины Андреевны. А мужем, разумеется, будет он сам. Вторая подпись опекуна у него есть. Его собственная.

Он отпил чаю.

— Щедро, правда? Только я старый человек, Марк Викторович. Деньги меня давно не волнуют. Я ему так и сказал. — Зорин перевёл на Элину мягкий, почти отеческий взгляд. — И тогда он предложил дополнение к сделке.

Рояль за стеной оборвал мелодию на середине такта.

— Год брака на бумаге, — тихо продолжил Зорин. — Потом развод. И Элина Андреевна, без денег, без защиты, без опекунов, которым после её замужества больше нечего решать… — Он развёл мягкими руками. — Будет совершенно свободна. И совершенно одна. А я умею ждать год.

Ледяной холод поднялся у Элины от пальцев к сердцу. «Год, может, меньше. Потом развод, хорошие деньги, свобода». Слово в слово то, что Глеб шептал ей ночью по телефону.

— Он лжёт, — произнёс Марк.

— Кто? — Зорин приподнял седые брови. — Глеб Аркадьевич мне? Или я вам? — Он улыбнулся. — Вы ведь никогда не лжёте, Марк Викторович. Об этом весь город знает. Вот и скажите девочке честно: вы знаете, что я говорю правду?

Марк молчал.

Молчание растягивалось, тяжёлое и звенящее. И Элина поняла: он не может сказать «нет». Потому что не знает. Или потому что знает.

— Вот видите, — удовлетворённо кивнул Зорин. — Молчание тоже ответ.

Он аккуратно сложил салфетку и снова взялся за газету. Тон стал деловым.

— Срок по долгу истекает через девяносто дней. После этого я перестану быть вежливым. Решайте между собой, господа опекуны, кто из вас мне заплатит. И чем.

Марк коротко кивнул, взял Элину под локоть и повёл к выходу. На пороге Зорин окликнул её:

— Элина Андреевна! У вас действительно глаза матери. Берегите их.

Дверь кабинета закрылась у них за спиной.

● · # · ●

В машине Марк долго не произносил ни слова. За тонированным стеклом плыл город: серые улицы, мокрые деревья, люди под зонтами. Обычная жизнь, к которой она больше не принадлежала.

На выезде из центра он вдруг сказал водителю:

— Остановись.

Машина плавно свернула к обочине. Марк нажал кнопку, и между ними и водителем поднялась тёмная перегородка. Он повернулся к ней всем корпусом. В тесном салоне он казался ещё больше и ещё ближе.

— Когда Зорин повторил предложение Глеба, ты не удивилась, — сказал он очень тихо. — Побледнела, но не удивилась. Как человек, который уже слышал эти слова. — Серые глаза не отрывались от её лица. — Глеб не входил в дом. Охрана бы его не пропустила. Значит, он говорил с тобой иначе.

Он медленно протянул руку ладонью вверх. Тот же жест, что в первый вечер, в этой же машине.

— Второй телефон, Элина. Тот, что был в коробке. Я не буду спрашивать дважды. Ты помнишь.

Она могла бы соврать. Сказать, что не понимает, о чём он. Но вспомнила его утреннее «ты не пошла. Сама». И настороженно кивнула. Едва заметно, не сводя с него глаз.

Он посмотрел на её пустые руки, на маленькую сумку на коленях.

— Он не с тобой.

Снова кивок.

— В доме. В твоих вещах.

Он медленно опустил руку. Элина ждала чего угодно: холодного приказа, пальцев на запястье, тихой угрозы. Но он молчал и смотрел на мокрую обочину, где ветер гонял жёлтые листья.

— Ты знала, что это против правил, — произнёс он наконец. — И спрятала. Вчера я сказал, что прощаю тебя в последний раз. — Он повернулся к ней. В лице не было злости, только сосредоточенность человека, который просчитывает партию на несколько ходов вперёд. — Но ты кивнула. Не стала лгать, хотя могла. Это я тоже запомню.

Он чуть наклонился к ней.

— Слушай внимательно. Телефон ты оставишь у себя. Когда Глеб позвонит снова, а он позвонит, ты ответишь. Будешь слушать. Будешь сомневаться вслух. Пусть думает, что ты почти готова согласиться. А потом перескажешь мне каждое слово. Каждое.

Внутри у неё всё похолодело. Снова шахматная доска. Снова она фигура, которую двигают чужие руки. Только руки теперь другие.

Марк увидел это по её лицу, и что-то дрогнуло в его взгляде.

— Я знаю, о чём ты думаешь. Что я такой же, как он. Использую тебя так же.

Он взял её руку. Не за запястье, как в первый вечер, а ладонь в ладонь, переплетая пальцы. Рука у него была горячая и сухая.

— Разница в том, что ты будешь знать всё, что знаю я. Я больше не стану молчать о главном. Ты будешь видеть мои карты, Элина. Все.

Он постучал костяшками по перегородке, и машина тронулась. Руку он не отпускал всю дорогу до дома.

● · # · ●

Галина Петровна встретила их в холле. Лицо у неё было растерянное и бледное, руки теребили край фартука.

— Марк Викторович… — Она перевела виноватый взгляд на Элину. — Я на минуточку прилегла после обеда, как всегда… А когда поднялась, дверь в комнату Элины Андреевны была открыта. И Вера Викторовна выходила оттуда. Босиком. Я спросила, что она там делала, а она только засмеялась и сказала: «Возвращала своё».

Элина побежала вверх по лестнице, не дослушав.

Чемодан в её комнате стоял открытый. Свитера, которые она утром запихнула кое-как, теперь лежали ровной стопкой, как по линейке. Телефона на дне не было.

Элина вышла в коридор. Марк стоял в нескольких шагах от её двери.

— Телефона нет, — сказала она.

Больше ему ничего не понадобилось. Хватило двух слов и её лица.

— «Возвращала своё», — медленно повторил он и поднял глаза в конец коридора, на тёмную дверь с бронзовой ручкой. — Конечно. Она считает его своим. — Он говорил тихо, будто сам с собой. — Шесть лет. Я менял охрану, номера, отбирал всё. А он просто оставлял ей телефоны в бархатных коробках. И она находила, где их спрятать.

Он пошёл по коридору. Не быстро, но так, что паркет под его шагами будто стал тяжелее. У двери в конце коридора остановился и постучал. Один раз, ровно.

— Вера. Открой.

За дверью раздался смешок, тихий, переливчатый, совсем девичий.

— Не заперто, Марик.

Он толкнул дверь, и Элина впервые увидела эту комнату.

Она оказалась светлой, неожиданно светлой после серого камня всего дома. Белые стены, белые шторы, и повсюду вазы с засохшими цветами. Десятки ваз: розы и пионы, давно ставшие бумажными. На стенах фотографии в рамках. Юная Вера, смеющаяся, запрокинув голову. Вера на пляже, в соломенной шляпе. И почти на каждой рядом с ней молодой Глеб, обнимающий её за плечи.

Вера сидела на широком подоконнике, поджав босые ноги, в том же пепельном халате. В руках у неё был тот самый маленький телефон. Экран светился, шёл звонок, громкая связь была включена.

Вера посмотрела мимо брата, прямо на Элину, и улыбнулась рассеянной, нежной улыбкой.

— Он звонил тебе, Эля. Я ответила. Мы так мило поболтали, пока вас не было.

Она повернула телефон экраном к ним. Из динамика раздался знакомый хрипловатый смех и щелчок зажигалки.

— Здравствуй, Марк, — тепло сказал Глеб. — Как прошёл чай у Зорина? Он ведь рассказал вам про моё маленькое дополнение к сделке? — Короткая пауза. — Принцесса, ты ведь тоже там? Я хочу, чтобы ты услышала это от меня, а не от них. Зорин сказал правду. Только не всю.

— Не хочу это слушать!

Элина развернулась и ушла в свою комнату, хлопнув дверью так, что задрожало стекло в окне. Прислонилась к двери спиной и сползла на пол, обхватив колени руками.

Хватит. Хватит голосов, телефонов, записок, шёпота в ухо, чужих правд, которые режутся о другие чужие правды. Каждый в этом доме тянул её в свою сторону, и каждый говорил, что делает это ради неё.

Сквозь дверь доносились приглушённые звуки. Сначала голос Глеба из динамика, неразборчивый, насмешливый. Потом голос Марка, и она впервые услышала, как он его повышает. Всего на одну фразу, коротко и страшно, так что слов было не разобрать. Звон, будто разбилась одна из ваз с сухими цветами. Потом тонкий, надрывный смех Веры, переходящий в плач.

Потом всё стихло.

● · # · ●

Элина не знала, сколько прошло времени. Солнце за окном опустилось, тени на полу стали длинными и синими.

Наконец в дверь постучали. Тихо, костяшками пальцев, два раза.

— Элина. — Голос Марка звучал глухо и устало. — Я не войду, если ты не хочешь. Просто выслушай. Через дверь.

Она услышала, как он опускается на пол с той стороны и прислоняется к двери спиной. Их спины разделяли всего несколько сантиметров дерева.

— Телефон у меня. Он выключен. Вера спит, Галина Петровна дала ей лекарство. Я не стану пересказывать, что он говорил. Ты сказала, что не хочешь этого слышать. Я тебя услышал.

Долгая тишина. Только его дыхание по ту сторону.

— Я обещал тебе в машине, что ты увидишь все мои карты. Вот они. — Голос стал ровнее и твёрже, словно он заставлял себя говорить. — У Зорина девяносто дней. Глеб не отступит: ему нужна доля, и ему нужно отнять тебя у меня. Пока ты не замужем, ты вместе с наследством — открытая дверь для обоих. Закрыть её навсегда можно только одним способом. Я заплачу Зорину сам. Весь долг твоего отца, до копейки. И Глеб больше никогда не сможет ничего решать о твоей жизни.

Он медленно выдохнул.

— Для этого ты должна стать моей женой.

Тишина за дверью стала оглушительной.

— Я не прошу ответа сейчас. Не прошу тебя любить меня. Я никогда не лгу, Элина, поэтому не скажу, что это только ради тебя. Это ради меня тоже. — Голос стал совсем тихим. — Но это единственное, что я могу предложить тебе честно.

Элина смотрела в синие сумерки комнаты. По ту сторону скрипнули половицы: он поднялся. Но шаги не удалялись. Он просто стоял у двери и ждал.

— Вы можете заставить меня силой? — спросила она тихо, почти шёпотом, глядя на свои колени. Она не была уверена, что он расслышит сквозь толстое дерево.

Он расслышал.

Пауза за дверью тянулась так долго, что ей показалось: он ушёл. Потом раздался его голос, ровный и спокойный:

— Ты спрашиваешь, могу ли я заставить тебя силой.

Ещё пауза.

— Я никогда не лгу, поэтому отвечу честно. По закону нет. В загсе спросят тебя, а не меня. Завещание даёт нам с Глебом право не позволить тебе выйти за кого-то другого. Но не даёт права вести тебя под венец, как вещь.

Она услышала, как он коснулся двери, может быть ладонью, совсем рядом с её затылком.

— А не по закону… — Голос стал тише и темнее. — Да, Элина. Я мог бы. У меня есть способы сделать так, чтобы ты сама сказала «да» и даже поверила, что это твоё решение. Я ломал людей сильнее тебя. Ты это знаешь, ты видела мою папку.

Пауза.

— Но я не стану.

Слова прозвучали медленно и весомо, как обещание, данное самому себе.

— Мне не нужна жена, которая будет смотреть на меня так, как Вера в последние месяцы смотрела на Глеба. Мне нужно, чтобы ты пришла сама. Даже если на это уйдут все девяносто дней. Даже если ты не придёшь вовсе. — Короткий выдох, почти смешок, совсем без веселья. — Тогда я найду другой способ разобраться с Зориным. Хуже. Дороже. Но найду.

Он отступил от двери, и половица скрипнула под его весом.

— Запомни одно. Глеб тоже никогда не станет заставлять тебя силой. Он сделает так, что ты сама будешь его умолять. В этом вся разница между нами. Я говорю тебе, чего хочу. А он заставляет тебя хотеть того же.

Тишина. Потом его голос зазвучал уже обычно, по-деловому, холодно:

— Ужин в восемь. Это правило осталось. Двадцать минут, Элина.

Шаги удалились по коридору.

Элина подняла голову. Часы на стене показывали 19:40. За окном совсем стемнело, и в чёрном стекле отражалось её бледное лицо.

А на кровати лежало то, чего утром там не было. Тёмно-синее платье, аккуратно сложенное. Поверх него — белая карточка, исписанная тем же твёрдым угловатым почерком:

«Не обязательно. Но я был бы рад. М.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.